

но, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ на современный его строй: таковы напр. нарѣчія Русское, Чешское и т. д. Кто захочетъ опредѣлить вѣрно характеръ такого живаго и уже долго жившаго нарѣчія, тотъ навѣрно не пренебрежетъ судьбами его во всемъ пространствѣ его существованія, сколько оно извѣстно, если только захочетъ остерегаться отъ неправильныхъ соображеній.

Понимая такъ сравнительную Славянскую грамматику, тотъ ученый, который рѣшится посвятить ей свою дѣятельность, не можетъ не нуждаться въ предварительной обработкѣ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, а если этого нѣтъ, то по крайней мѣрѣ въ самыхъ матеріалахъ. Чѣмъ болѣе остается недодѣланнаго, неизслѣдованнаго или вовсе неизвѣстнаго по частнымъ вопросамъ, которые должны быть обобщены въ грамматику сравнительной, тѣмъ менѣе возможно ея осуществленіе. Для сравнительной грамматики Славянской приготовлено многое, но далеко не все, что нужно, и приготовить все, что необходимо, не по силамъ не только одного человѣка, сколько бы ни соединялъ онъ трудолюбія съ дарованіями и ученостью, но и цѣлаго общества ученыхъ: по нѣкоторымъ изъ нарѣчій вовсе нѣтъ ни хорошихъ подробныхъ грамматикъ, ни вѣрныхъ характеристикъ; нѣкоторыя другія еще мало изслѣдованы въ ихъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ; а что касается до разбора ихъ древностей, то почти ни по одному нѣтъ труда окончательно полнаго.

Такъ, начиная съ нарѣчій Восточныхъ, и сознавая важность трудовъ Русскихъ филологовъ касательно Русскаго языка, узаконеннаго образованнымъ обществомъ и литературой, не можемъ не признать, что ни о народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ сѣверныхъ — Великорусскомъ и Бѣлорусскомъ, ни о такихъ же народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ южныхъ — Малорусскомъ и Карпатскомъ, нѣтъ ничего кромѣ нѣсколькихъ грамматическихъ опытовъ и частныхъ замѣчаній, не одинаково подробныхъ, не одинаково цѣнныхъ по ученому достоинству. Болѣе всего есть сборниковъ образцовъ и еще болѣе сборниковъ словъ; но изъ первыхъ очень многіе не изданы, и всѣ вмѣстѣ, сколько извѣстно, еще недостаточны для того, чтобъ можно было по нимъ представить въ стройномъ очеркѣ все мѣстное разнообразіе Русскаго народнаго языка; а сборники словъ, изъ которыхъ многіе уже изданы и многіе готовятся къ изданію, ожидая дополненій, ждутъ и филологическаго разбора по отношенію къ вліянію на народный нашъ языкъ языковъ сосѣднихъ. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ II-го Отдѣленія Академіи наукъ и Русскаго Географическаго Общества, оживляя частную ревность ученыхъ и наблюдателей мѣстныхъ, подаетъ надежды на быстрые успѣхи въ разработкѣ географіи Русскаго языка, — и работы идутъ въ обширномъ размѣрѣ, съ ревностью, достойной нашего любознательнаго времени; но желаемые успѣхи

еще впереди. По части исторіи Русскаго языка сдѣлано также уже многое; но еще болѣе остается дѣлать. Древній Русскій языкъ съ его памятниками еще только разрабатывается, а для многихъ еще неясенъ по самымъ общимъ своимъ чертамъ, такъ, что можетъ еще пробуждать о себѣ мнѣнія очень разнообразныя, убѣжденія противоположныя.

Юго-Западные Славянскія нарѣчія для сравнительной грамматики представляются въ такомъ же состояніи. Нарѣчіе Старославянское церковное, не касаясь вопроса о его народности, изслѣдовано довольно подробно, но, конечно, не окончательно: довольно вспомнить при этомъ, что все еще продолжаютъ отыскивать новыя формы, новыя слова, новыя черты его самостоятельности и новыя доказательства вліянія чужеземнаго. Нарѣчіе Болгарское не только почти совершенно не изслѣдовано, но нѣтъ и матеріаловъ для изслѣдованій. Нарѣчіе Сербское изслѣдовано очень отчетливо, но еще не полно, особенно по отношенію къ его словарному богатству и къ его древностямъ. Нарѣчіе Хорватское извѣстно очень мало и въ мѣстныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и въ древнемъ строѣ. Нарѣчіе Хорутанское, бывшее въ нѣкоторыхъ изъ краевъ, гдѣ господствуетъ, предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно на сѣверѣ и западѣ, ждетъ и наблюдателей и изыскателей; его древности также мало извѣстны.

Нарѣчія Сѣверо-Западные не были счастливѣе другихъ. Нарѣчіе Чешское, подавшее многимъ достойнымъ филологамъ случай выказать надъ его разработкою свою ученость, обогатившееся въ послѣднее время прекрасными наблюденіями надъ его мѣстными оттѣнками, словомъ, представляющее всякаго рода пособія для его основательнаго изученія, все еще — особенно въ отношеніи къ богатствамъ народнаго словаря — нуждается въ дѣлателяхъ. Древности его извѣстны болѣе, чѣмъ древности каждаго изъ остальныхъ живыхъ нарѣчій; но и онѣ еще занимаютъ дѣятельность ученыхъ изыскателей и утѣшаютъ ихъ постоянно новыми открытіями. Нарѣчіе Словацкое, одно изъ самыхъ любопытныхъ по мѣстному своему разнообразію, извѣстно очень мало. Нарѣчіе Сербское-Лужицкое разобрано немного болѣе, и то въ отношеніи къ разнообразію мѣстныхъ оттѣнковъ, а не въ отношеніи къ словарю. Нарѣчіе Балтійскихъ Славянъ, кромѣ очень немногихъ мѣстныхъ признаковъ Древанскаго говора, остается неизвѣстнымъ и потребуетъ работъ очень тяжелыхъ. Нарѣчіе Польское, несмотря на богатство грамматическихъ и лексическихъ трудовъ, изъ которыхъ между послѣдними есть много прекрасныхъ, еще не было въ своемъ строѣ предметомъ строгой филологической разработки, какъ нарѣчіе народное, и, оставаясь очень мало извѣстнымъ по своимъ мѣстнымъ оттѣнкамъ, особенно въ отношеніи къ говорамъ Силезскимъ и Кашебскимъ, также мало изслѣдовано и въ своихъ древностяхъ.